

ВЗЛЕТ РАЗРЕШЕН

КРЕЩЕНИЕ ПУСТОТЫ

ДМИТРИЙ ФОК

Взлёт Разрешён

Дмитрий Фок

**Взлёт Разрешён:
Крещение пустотой**

«Автор»

2026

Фок Д.

Взлёт Разрешён: Крещение пустотой / Д. Фок — «Автор»,
2026 — (Взлёт Разрешён)

Два с половиной километра металла, четыре тысячи жизней и одна цель, ради которой стоит убивать. Лейтенант Артём Вей знал линкор «Немезида» по учебникам и схемам, но реальность оказалась куда суровее. Это не просто боевая машина, а старый шрамированный зверь со своим пульсом и запахом озона. Здесь ошибки стоят жизни, ветераны скрывают боль за грубыми шутками, а новеньких встречают холодным расчетом. Артёму достается «Грифон-12» — истребитель с тяжелым прошлым. Когда дипломатия замолкает, а радары заполняются чужими метками, цифры из аттестата перестают иметь значение. В пустоте космоса остается только одно: ты и твоя машина. Взлёт разрешён. Но какой ценой удастся вернуться?

© Фок Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ПУСТОТА ПРИВЕТСТВУЕТ	5
ГЛАВА 2: ЗУБЫ И КОГТИ	9
ГЛАВА 3: ПРОТОКОЛ «ЗНАКОМСТВО»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дмитрий Фок

Взлёт Разрешён: Крещение пустотой

ГЛАВА 1: ПУСТОТА ПРИВЕТСТВУЕТ

Я увидел «Немезиду» раньше, чем бортовой компьютер челнока подтвердил визуальный контакт.

Она проступила из темноты, как проступает горный хребет из тумана — сначала намёком, искажением звёздного поля, тенью, у которой не должно быть формы. Потом свет станционных огней очертил нос — тупой, массивный, похожий на кулак, занесённый для удара. Дальше — рёбра радиаторных решёток, антенные массивы, башни рельсотронов, развёрнутые в походное положение. Ещё дальше — корпус, бесконечный, как взлётная полоса, уходящий за пределы иллюминатора.

Два с половиной километра металла, керамики и целей, ради которых люди убивают друг друга.

Я прижался лбом к холодному стеклу. Дыхание оставило круг конденсата, и я машинально вытер его рукавом — потом вспомнил, что на мне парадный китель, и отёрнул руку. Ткань уже впитала влагу. Маленькое мутное пятно на левом предплечье. Отличное начало.

Челнок был почти пуст — кроме меня, на борту сидели двое техников-ремонтников с Кассини-Прайм и контейнер с маркировкой «МЕДИКАМЕНТЫ — СРОЧНО», пристёгнутый к грузовой раме. Техники спали, привалившись друг к другу, как два мешка с песком. Им, видимо, было всё равно, что за иллюминатором разворачивается нечто, от чего у меня пересохло во рту.

Линкор класса «Левиафан». Я читал спецификации. Учил их наизусть. Сдавал по ним экзамен — девяносто восемь из ста, два балла потерял на вопросе о пропускной способности вентиляционных шахт кормовой секции, и до сих пор помню правильный ответ: четырнадцать тысяч кубометров в минуту. Я знал этот корабль в цифрах, схемах, проекциях.

Но цифры не передают масштаба.

Челнок скользил вдоль борта «Немезиды», и я чувствовал себя мухой, ползущей по стене собора. Обшивка была не гладкой — вблизи она напоминала кожу старого животного: шрамы от микрометеоритов, заплаты, потёки от ремонтных работ, выгоревшие участки, где термическая защита принимала на себя слишком много. Этот корабль не был новым. Он был бывалым. И от этого слова — «бывалый» — по спине прошёл холодок, который не имел отношения к температуре в кабине.

— Стыковка через четыре минуты, — сообщил автопилот голосом, лишённым интонаций. — Пассажирам рекомендуется пристегнуть ремни.

Я был пристёгнут с момента, когда увидел первый проблеск станционных огней. Руки лежали на коленях. Пальцы чуть подрагивали — я сжал их в кулаки, разжал, снова сжал. Привычка, от которой не мог избавиться с детства. Инструктор Чен в академии говорил: «Вей, если твои руки будут так дрожать на джойстике, ты расстреляешь собственное звено». Я не расстрелял. Ни разу. Но пальцы всё равно дрожали.

Один. Два. Три.

Стыковочный узел «Немезиды» поглотил челнок мягко, почти нежно — как рука, сжимающая хрупкий предмет. Лёгкий толчок. Щелчок магнитных захватов. Шипение выравнивания давления. И — тишина. Та особая тишина, которая бывает только на больших кораблях: не отсутствие звука, а его подмена. Гул генераторов, настолько низкий, что ощущаешь его не ушами, а рёбрами. Вибрация палубы, передающаяся через подошвы. Пульс корабля.

Я встал. Подхватил вещмешок — стандартный, серый, с моим именем на бирке: «ЛТ. А. ВЕЙ, ВФК, ЛЁТНЫЙ СОСТАВ». Всё, что у меня было, помещалось в этот мешок. Два комплекта формы, личный планшет, бритвенный набор, фотография — единственная, бумажная, с загнутым уголком. Я не стал проверять, на месте ли она. Она всегда была на месте.

Шлюз открылся.

Запах ударил первым. Не резкий — скорее, плотный, многослойный, как аккорд из нот, которые по отдельности знакомы, а вместе создают что-то новое. Металл — не чистый, а нагретый, с привкусом озона. Полимер — тот специфический сладковатый дух, который источают уплотнители переборок. Что-то органическое — пот? еда? — далёкое, приглушённое вентиляцией, но неистребимое. Корабль, на котором живут четыре тысячи двести человек, пахнет людьми. Как бы ни старались фильтры.

— Лейтенант Вей?

Дежурный офицер ждал за шлюзом. Женщина, старше меня лет на десять, с нашивками старшего лейтенанта и усталыми глазами человека, который стоит на ногах дольше, чем следует.

— Так точно.

— Старший лейтенант Мирова, вахтенная служба. Добро пожаловать на борт. — Она не улыбнулась. Не потому что была недружелюбна — просто «добро пожаловать» было для неё такой же формальностью, как «стыковка завершена». Слова, которые произносят, потому что так положено. — Идёмте. Вас ждут на лётной палубе.

Она развернулась и пошла, не оглядываясь. Я двинулся следом.

Коридоры «Немезиды» были шире, чем я ожидал, — и одновременно теснее. Шире — потому что в академии нас учили на макетах корветов, где два человека расходились боком. Теснее — потому что каждый сантиметр пространства был занят. Трубы, кабели, панели доступа, аварийные шкафчики, информационные экраны, поручни, маркировка — жёлтая, красная, синяя — стрелки, номера секций, предупреждения. Стены не были стенами. Они были системами, прикрытыми тонким слоем краски.

Мы прошли мимо группы матросов, тащивших контейнер. Мимо открытой двери, за которой кто-то ругался на повышенных тонах — что-то про «калибровку» и «твою мать». Мимо медицинского поста, где в дверном проёме стоял санитар и пил кофе из мятой термокружки, глядя в никуда. Мимо переборки, на которой кто-то нацарапал: «СЕКЦИЯ 47 — ТЕРРИТОРИЯ ИНЖЕНЕРОВ. ПИЛОТЫ — НА СВОЙ СТРАХ И РИСК».

Я улыбнулся. Мирова заметила.

— Не обращайтесь внимания. Инженеры и лётный состав... — Она подобрала слово. — Сосуществуют.

— Как кошки и собаки?

— Как кошки и пылесос.

Это было похоже на шутку, но Мирова произнесла это с таким серьёзным лицом, что я не рискнул засмеяться.

Мы спустились на три палубы — лифт, потом трап (лифты на военных кораблях дублируются трапами на случай потери энергии, это я помнил), потом ещё один коридор, и воздух изменился. Стал суше. Холоднее. Запах озона усилился, к нему добавилось что-то едкое, химическое — топливный окислитель? — и тяжёлый, маслянистый дух, который я узнал бы с закрытыми глазами.

Машинное масло. Смазка. Металлическая пыль.

Ангар.

Мирова остановилась у массивных дверей с надписью «АНГАР БРАВО — ЛЁТНАЯ ПАЛУБА — ДОПУСК ПО КОДУ». Приложила ладонь к сканеру. Двери разъехались.

И мир раскрылся.

Потолок — тридцать метров над головой, может, больше. Пространство, после тесноты коридоров казавшееся невозможным, — как если бы внутри подводной лодки обнаружился кафедральный собор. Голубоватый свет рабочих ламп заливал всё ровным, безтеневым сиянием. Жёлтые направляющие полосы расчерчивали намагниченный пол. Красные аварийные маркеры горели вдоль стен, как угли.

А между ними — машины.

Два ряда по двенадцать. Дальний ряд принадлежал 16-й эскадрилье «Манतिकоры». «Саблезуб-IV» — я узнал силуэт мгновенно, как узнаёшь лицо человека, которого видел только на фотографиях. Восемнадцать метров хищных линий: вытянутый нос, сплюснутая кабина, раскинутые радиаторные панели, похожие на сложенные крылья хищной птицы. Матово-серая обшивка с бортовыми номерами. Некоторые машины были закрыты — тёмные, спящие. Другие стояли с поднятыми кожухами, обнажая внутренности: сплетения кабелей, блоки маневровых двигателей, стволы импульсных орудий. Я остановился. Вещмешок сполз с плеча, и я не стал его поправлять.

Вот оно. Вот зачем четыре года академии, тысячи часов на симуляторах, бессонные ночи над учебниками, разбитая бровь на тренажёре, когда гидравлика дала сбой и ложемент выбросил меня вперёд. Вот зачем всё.

— Лейтенант Вей.

Мирова уже ушла — я не заметил когда. Голос принадлежал кому-то другому.

Я повернулся.

Маленькая женщина стояла у ближайшего истребителя — того, что в конце правого ряда, с открытой кабиной и свежей краской бортового номера: Г-12. Грифон-двенадцать. Она была ниже меня на голову, сухая, жилистая, в потёртом комбинезоне техника с нашивками, которые я не успел рассмотреть. Седые волосы стянуты в тугий пучок. На шее — тонкая цепочка с чем-то металлическим. Руки — перепачканные тёмным, с короткими ногтями и мозолями на подушечках пальцев.

Она смотрела на меня.

Не так, как смотрит человек на другого человека. Так смотрит ювелир на камень, который ему принесли для оценки. Без враждебности. Без тепла. С профессиональным, абсолютным вниманием.

— Это ваша машина, — сказала она. Не «будет вашей». Не «назначена вам». Ваша. Как будто машина уже приняла решение, и женщина просто сообщала мне факт.

Я открыл рот, чтобы представиться, сказать что-нибудь правильное, уставное, подобающее.

— Руки покажите, — сказала она.

Я моргнул. Потом вытянул руки ладонями вверх. Пальцы дрогнули — едва заметно, но она заметила. Её глаза — тёмные, глубоко посаженные, в сетке морщин — на секунду задержались на моих кончиках пальцев. Потом она подняла взгляд.

— Дрожат, — сказала она. Не вопрос. Констатация.

— Всегда, — ответил я. Не знаю, почему сказал правду. Может, потому что врать этой женщине казалось так же бессмысленно, как врать рентгеновскому аппарату.

Она смотрела на меня ещё три секунды. Потом кивнула — коротко, одним движением — и повернулась к истребителю.

— Идите сюда. Я покажу, что трогать можно. Список короткий.

Я подобрал вещмешок и шагнул к машине. К своей машине. Бортовой номер блестел свежей краской — кто-то нанёс его совсем недавно, и от обшивки ещё пахло растворителем.

Грифон-двенадцать.

Из-под кожуха двигателя доносился тихий щелчок остывающего металла — ритмичный, как часы. Или как сердцебиение.

Женщина уже что-то говорила, показывая на панель доступа, но я не сразу расслышал. Я смотрел на истребитель. На его серую шкуру, на стволы орудий, убранные в обтекатели, на тёмный провал кабины, где ждал ложемент, который примет форму моего тела.

Где-то в глубине корабля загудел генератор — низко, утробно, — и палуба под ногами отозвалась вибрацией. Пульс «Немезиды». Я почувствовал его ступнями, коленями, позвоночником.

И подумал: вот теперь — началось.

ГЛАВА 2: ЗУБЫ И КОГТИ

Юнь Бай — так её звали, я прочитал на нашивке, пока она водила пальцем по стыку обшивки, объясняя, где проходит основной кабельный жгут — говорила о машине так, как некоторые люди говорят о детях. Не с нежностью. С ответственностью.

— Импульсные орудия калибруются раз в сорок восемь часов. Я калибрую раз в тридцать шесть. — Она провела ладонью по обтекателю левого ствола, и жест был настолько привычным, что казался бессознательным. — Маневровые — после каждого вылета. Система жизнеобеспечения — перед каждым. Если что-то звучит не так, пахнет не так, ощущается не так — вы говорите мне. Не технику смены. Не дежурному инженеру. Мне.

— Понял.

— Не трогайте панель 7-Б. — Она указала на секцию под кабиной, помеченную жёлтой полосой. — Там нейроинтерфейсный контур. Если сойдёт настройку — три часа рекалибровки. Мне. Не вам.

— Не буду трогать.

— Не трогайте ничего, чего не понимаете. — Она посмотрела на меня снизу вверх. — Список длинный.

Я не обиделся. Было что-то успокаивающее в её прямоте — никакой дипломатии, никаких обходных манёвров. Юнь Бай говорила то, что думала, и думала то, что говорила, и между этими двумя вещами не было зазора, в который можно было бы просунуть недоразумение.

Она показала мне, как открывать кабину вручную (аварийный рычаг под левой консолью, красная скоба, тянуть на себя и вверх), как проверять уровень хладагента по индикатору на внешней панели, как отличить штатный щелчок термокомпенсатора от нештатного (штатный — ритмичный, раз в четыре-пять секунд; нештатный — хаотичный, с металлическим призвуком). Я запоминал. Руки всё ещё подрагивали, но Юнь больше не смотрела на них.

Когда она закончила, я стоял у машины и не знал, что сказать. «Спасибо» казалось недостаточным. «Я буду беречь её» — самонадеянным.

— У неё есть имя? — спросил я.

Юнь Бай посмотрела на меня. Что-то мелькнуло в её глазах — не удивление, скорее, оценка. Как будто я сдал тест, о котором не знал.

— Нет, — сказала она. — Пилоты дают имена. Если хотят. Предыдущий пилот не давал.

Я не спросил, что случилось с предыдущим пилотом. По свежей краске бортового номера — поверх старой, тщательно зашлифованной — можно было догадаться.

— Кубрик лётного состава — палуба 4, секция 83, — сказала Юнь, уже отворачиваясь. — Вам туда. Направо по коридору, вторая дверь после гальяна. Не перепутайте.

Я подхватил вещмешок и пошёл. У двери ангара обернулся. Юнь Бай стояла у моего истребителя, положив руку на обшивку. Губы двигались — беззвучно, как будто она что-то шептала.

Я отвернулся и вышел.

Кубрик 14-й эскадрильи «Грифоны» оказался помещением размером с учебный класс в академии — только вместо парт здесь были двухъярусные койки, вместо доски — информационный экран с расписанием вахт, а вместо окон — ничего. Стены — серый пластик. Пол — серый пластик. Потолок — серый пластик с вентиляционной решёткой, из которой дул воздух, пахнувший озоном и чьими-то носками.

Личного пространства — полтора метра на два. Койка, рундук под ней, узкая полка над изголовьем. Мой — нижний ярус, третий от входа, с биркой «ЛТ. ВЕЙ», прикреплённой кем-то заботливым (или обязательным) к раме.

Я положил вещмешок на койку и сел. Матрас был тонким, но неожиданно удобным — тело утонуло в нём ровно настолько, чтобы почувствовать поддержку, но не мягкость. Военный комфорт: достаточно, чтобы функционировать, недостаточно, чтобы расслабиться.

Кубрик был пуст. Но не необитаем — следы жизни повсюду. На соседней койке — смятое одеяло и планшет с треснувшим экраном. На полке напротив — ряд бумажных книг (бумажных! — я не видел бумажных книг с тех пор, как уехал с Тарсиса). На стене у дальней койки — фотографии, десятки, приклеенные внахлест: лица, пейзажи, корабли, чья-то собака. Над одной из верхних коек — вымпел с надписью «КАССИНИ-ПРАЙМ УРАГАНЫ» и стилизованным смерчем.

Я переоделся в рабочий комбинезон — серо-синий, с нашивкой эскадрильи (грифон, раскинувший крылья, на фоне звёздного поля) и моей фамилией на груди. Комбинезон был новым. Нашивка — тоже. Среди потёртых, застиранных, залатанных комбинезонов на вешалках у входа мой выглядел как свежая купюра в пачке мятых.

Дверь кубрика открылась.

Первое, что я увидел, — бороду. Рыжую, густую, совершенно не уставную, обрамляющую широкое лицо с маленькими карими глазами и носом, который был сломан как минимум дважды. Потом — всё остальное: рост, от которого дверной проём казался тесным, плечи, которые этот проём заполняли целиком, и голос, который заполнил весь кубрик.

— О-о-о! — Голос был густой, раскатистый, как если бы кто-то ударил в медный колокол. — Свежее мясо!

Он вошёл — нет, вторгся — в кубрик, и пространство вокруг него сжалось. За ним, как тень за скалой, скользнула фигура поменьше: невысокая, светловолосая, с лицом, на котором веснушки были рассыпаны так густо, что казались загаром.

— Виктор Громов, — сказал великан, протягивая руку, которая могла бы обхватить мою голову. — Позывной «Гром». Старший лейтенант. Заместитель командира эскадрильи. И, — он понизил голос до театрального шёпота, — единственный нормальный человек на этом корабле. Не верь никому, кто скажет иначе.

Я пожал его руку. Хватка была крепкой, но контролируемой — он знал свою силу и дозировал её.

— Артём Вей. Лейтенант. — Я хотел добавить что-то ещё, но не успел.

— Знаю, знаю. Читал твоё дело. — Громов плюхнулся на койку напротив — она жалобно скрипнула — и закинул руки за голову. — Выпуск с отличием, лучший показатель пространственной ориентации за последние двенадцать лет, рекорд по симуляторным перехватам. Впечатляет. — Он прищурился. — На бумаге.

Это не было оскорблением. Скорее — маркером. Я знаю, кто ты на бумаге. Покажи, кто ты на деле.

— Я постараюсь не только на бумаге, — сказал я.

Громов хмыкнул. Потом расплылся в улыбке — широкой, неожиданно тёплой, от которой морщины вокруг его глаз собрались в лучики.

— Мне нравится. Малой, мне нравится. — Он повернулся к светловолосой фигуре, которая стояла у входа, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. — Оса, иди поздоровайся. Не кусай.

Лина Сорокина не двинулась с места.

Я видел её впервые, но узнал по описанию из ростера эскадрильи, который изучил ещё на челноке: лейтенант, два года на «Немезиде», сорок семь боевых вылетов (патрулирование, перехват, сопровождение — ни одного полномасштабного боя), специализация — ближний бой, агрессивный стиль. Фотография в личном деле не передавала главного: того, как она смотрела.

Голубые глаза — широко расставленные, светлые до прозрачности — были направлены на меня с выражением, которое я не сразу расшифровал. Не враждебность. Не любопытство. Что-то среднее. Оценка, в которой вывод уже сделан — и не в мою пользу.

— Сорокина, — сказала она. Без звания. Без позывного. Без рукопожатия.

— Вей, — ответил я.

Тишина. Громов переводил взгляд с неё на меня, как зритель на теннисном матче.

— Ты занял место Маркуса Линда, — сказала Лина. Голос — быстрый, с акцентом, который глотал окончания слов. Проксиманский. — Он три года ждал перевода в боевую эскадрилью. Три года на транспортниках. Подал рапорт. Получил рекомендацию. А потом кадровое управление решило, что им нужен свежий выпускник с красивыми цифрами в аттестате.

Она не повысила голос. Не нужно было.

Я мог бы сказать многое. Что не я принимал это решение. Что не знал о Маркусе Линде. Что система распределения — не мой выбор. Всё это было бы правдой. И всё это прозвучало бы как оправдание.

— Мне жаль, что так вышло, — сказал я. И замолчал. Потому что больше нечего было говорить.

Лина смотрела на меня ещё секунду. Потом её губы — тонкие, сжатые — дрогнули. Не улыбка. Тень чего-то, что могло бы стать улыбкой, если бы захотело.

— «Жаль», — повторила она, как будто пробуя слово на вкус. — Ладно.

Она оттолкнулась от косяка и прошла к своей койке — верхний ярус, дальний угол. Движения — экономные, точные, как у человека, привыкшего к тесным пространствам. Она забралась наверх одним плавным движением, не используя лесенку, и легла, закинув руки за голову. Потолок над ней был чистым — ни фотографий, ни вымпелов. Только маленький рисунок, сделанный чёрным маркером прямо на пластике: оса. Стилизованная, с распахнутыми крыльями.

Громов посмотрел на меня. Его улыбка стала мягче — и в ней появилось что-то, похожее на сочувствие.

— Не бери в голову, малой, — сказал он негромко. — Оса кусает всех новичков. Это у неё... ритуал.

— Понимаю.

— Нет, — он покачал головой, — не понимаешь. Но поймёшь. Главное — переживи первую неделю. А потом — первый вылет.

Что-то в его голосе изменилось на последних словах. Не интонация — плотность. Как будто слова стали тяжелее.

— Когда первый вылет? — спросил я.

Громов перестал улыбаться.

Не резко — улыбка не исчезла, а стёрлась, как надпись на запотевшем стекле. Его маленькие карие глаза стали серьёзными, и я впервые увидел за весёлым фасадом что-то другое. Что-то, что знало вещи, которых я ещё не знал.

— Скоро, малой, — сказал он. — Скоро.

И отвернулся к стене.

ГЛАВА 3: ПРОТОКОЛ «ЗНАКОМСТВО»

Брифинг-комната 14-й эскадрильи была размером с кладовку и обставлена соответственно: откидные сиденья вдоль стен, голопроектор в центре, запах кофе и пластика. Когда я вошёл — за три минуты до назначенного времени — Танака уже был там.

Он сидел в первом ряду, один, с планшетом на колене. Не поднял головы, когда дверь открылась. Я видел его затылок — коротко стриженные чёрные волосы с сединой на висках — и его руки, лежащие на планшете. Правая — со шрамом от ожога на тыльной стороне, розоватым, глянцевым, как расплавленный воск.

— Лейтенант Вей, — сказал он, не оборачиваясь. — Садитесь.

Я сел. Через минуту подтянулись остальные — Громов, Лина, ещё восемь пилотов, чьи имена я знал из ростера, но лица видел впервые. Они рассаживались привычно, каждый на своё место, как инструменты в оркестре. Я занял крайнее сиденье у стены.

Танака встал. Развернулся.

Я видел его фотографию в базе данных, но фотография не передавала присутствия. Он был невысок — ниже меня, ниже большинства пилотов в комнате — но занимал пространство так, как занимает его гравитационное поле: невидимо, неотвратно. Смуглое лицо с тяжёлыми веками, глубокие носогубные складки, тёмные глаза, которые двигались медленно и останавливались точно. Когда его взгляд прошёл по мне, я почувствовал это физически — как луч сканера.

— Протокол «Знакомство», — сказал он. Голос — ровный, негромкий, без модуляций. — Стандартная процедура для нового пилота. Лейтенант Вей, вы выполните серию тренировочных упражнений: маневрирование, перехват, ближний бой. Ваш оппонент — лейтенант Сорокина.

Я почувствовал, как Лина, сидевшая через два кресла, чуть выпрямилась. Не увидел — почувствовал.

— Правила, — продолжил Танака. — Учебные режимы орудий. Маркерные попадания. Зона — квадрат Альфа-7, радиус двадцать километров от корабля. Ограничение по перегрузке — стандартное. Вопросы?

Тишина.

— Лейтенант Вей. — Он посмотрел на меня. — Покажите, что умеете.

Не «удачи». Не «я верю в вас». Не «не подведите». Просто: покажите. Минимум слов. Максимум давления.

— Так точно, — сказал я.

Катапульта электромагнитного запуска — это труба длиной в сто двадцать метров, в которой тебя разгоняют от нуля до трёхсот метров в секунду за полторы секунды. В академии нас предупреждали: «Первый реальный запуск не похож на симулятор. Симулятор — это кино. Катапульта — это кулак в грудь».

Они были правы. И неправы.

Я сидел в ложементе Грифона-12. Кабина пахла новым полимером и — едва уловимо — чем-то травяным. Чай? Я скосил глаза: на подлокотнике, в углублении для фиксации, стоял маленький термос. Его здесь не было, когда я осматривал кабину с Юнь Бай. Кто-то поставил его после. Я не стал гадать кто.

Нейрошлем сел на голову плотно, как вторая кожа. Контакты нашли виски, затылок, точки за ушами. Мир мигнул — и расширился. Данные потекли по периферии зрения: скорость, курс, состояние систем, запас топлива, температура двигателей. Не текст — ощущения. Нейроинтерфейс не показывал информацию; он делал её частью тебя. Ты не читал, что температура правого маневрового — 340 градусов. Ты чувствовал тепло в правом плече.

— Грифон-12, на позиции, — доложил я. Голос звучал ровно. Руки лежали на джойстиках. Пальцы не дрожали. Здесь, в кабине, они никогда не дрожали.

— Грифон-12, разрешаю запуск. Катапульта — ваша.

Обратный отсчёт. Три. Два. Один.

Кулак в грудь — нет. Неточно. Это было похоже на то, как если бы сам воздух решил, что ты должен быть там, а не здесь, и переместил тебя без спроса. Перегрузка вдавила в ложемент — четыре g, коротких, яростных. Стены трубы смазались в серую полосу. Потом — ничего.

Пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.